

ческой составляющей художественности, а в зрелом творчестве и этого писателя, и Л. Толстого, — творчестве, развивающегося уж в иных исторических и социокультурных условиях, этико-религиозная проблематика выходит на первый план и начинает определять само содержание литературного дискурса — его денотативный (равно референтный и креативный) план.

Примечания:

1. Чижевский Д. И. Гегель в России. — Париж, 1939.
2. Герцен А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. — М., 1958.
3. См. об этом в нашей книге: Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. — Екатеринбург, 2001. Гл. 3.
4. Журавлева А. И. Церковь и христианские ценности в художественном мире А. Н. Островского // Русская литература XIX века и христианство. — М., 1997.
5. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Т. 3. — Таллинн, 1993.
6. Кантор В. Долгий навык к сну (Размышления о романе И. А. Гончарова «Обломов») // Вопросы литературы. 1989. № 1.
7. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров и русская философия любви // Русская литература. 1993. № 1.
8. Мельник В. И. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма // Русская литература. 1990. № 1;
9. Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. — Киев, 1991.
10. Паперно И. Семiotика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. — М., 1996.
11. Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999. Гл. 3.

© Соломенна В. Н.
г. Екатеринбург

МЫСЛЬ О РОССИИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ХОЖДЕНИЯХ И ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Источниками для данной работы послужили древнерусские хождения (XII-XVII вв.) и путевые записки петровского времени. Вначале следует вкратце остановиться на некоторых особенностях этих двух жанров. Несмотря на их генетическую связь, необходимо отметить и функциональные отличия, связанные во многом с принципиально разными целевыми установками. Автор паломнического хождения стремится не только сам приобщиться к святости, посетив библейские места, но и «уверить читателей, что прочтение его книги о Палестине даст, в сущности, такое же представление об этой обетованной земле», как и само ее посещение» [11:50]. Данная цель в основном очерчивает и рамки тематического содержания: пристальное внимание уделяется описанию религиозных святынь и библейских мест, тем не менее, святая религиозная цель паломников в страны Востока, не исключает и процесс познания чужой земли. И пусть в меньшей степени, но освещаются и другие стороны жизни посещаемых стран.

Познание нового мира, освоение культурного пространства чужой земли как раз становится главной целевой установкой путевых записок конца XVII — начала XVIII вв. Так, авторы статьи о записках графа П. А. Толстого, посетившего Западную Европу в 1697 — 1698 гг., отличают «естественного выражения Толстого рассказать о своей встрече с европейской культурой. Обращение к труду писателя было связано и с проявлением гражданской позиции Толстого: через чтение путевых записок он стремился приобщить русских людей к новым сферам прекрасного ... Сочинение

П.А. Толстого имело прикладной характер, служило, прежде всего, образовательным и воспитательным целям» [9:266-267]. Смена целевой установки обусловило и богатство тематического отбора. Авторы путевых записок внимательны ко всем аспектам западноевропейской жизни: экономика, политика, социальные вопросы, религия, наука, искусство. Энциклопедичность записок того же Толстого поразительна.

Также существенна разница степени проявленности автора в рассматриваемых жанрах.

Автор-паломник очень робко заявляет о своей персоне, скупом роняя некоторые данные о себе, иногда он выступает как главное лицо в отдельных сюжетных зарисовках, но практически нет описания своих чувств, внутреннего состояния. Иным предстает автор путевых записок. Это человек, обладающий достаточной широтой взглядов, внутренне открытый восприятию всего нового, непознанного, с высокой самооценкой личности [9:278-279].

Из всего изложенного может показаться, на первый взгляд, противопоставленность жанров хождений и путевых записок. Между тем, множество общих черт композиционного построения, тематического отбора материала говорят скорее об определенном сходстве этих двух жанров. Особенно характерны в этом отношении светские путевые хождения (торговые — хождения купцов, отчасти дипломатические — статейные списки [12:11]) XIV-XVII вв. (например, Афанасий Никитин, Федот Котов, Федор Байков, Иван Петлин) с их разнообразным тематическим содержанием, не ограниченным только религиозными вопросами, и особенно паломнические хождения XVIII века (Иоанн Лукьянов) с их яркой проявленностью авторского начала, герой которых — «живой человек со всей гаммой чувствии переживаний» [13:7].

В путевых записках начала XVIII века и генетически связанных с ними древнерусских хождениях мы не смогли бы найти цельного образа России, но тем не менее, нельзя и недооценивать те немногочисленные вкрапления, которые выявляют связь паломника-путешественника с родной землей. Это могут быть сравнения разных сторон иноземной жизни, начиная с географических объектов с аналогичными явлениями у себя на родине, это и встреча с земляками на чужбине, и зарисовки пейзажа, внезапно навеявшие мысль о родной природе. Здесь и достоинства русского путешественника, одиноко совершающего свой путь по чужбине, но, несмотря на это, ощущающего себя частью и представителем своего государства. Но иногда автор-путешественник может подниматься до великих обобщающих идей, касающихся судеб милой его сердцу Руси.

В древнерусских хождениях географические объекты часто соотносятся с подобными же и хорошо известными русскому читателю. Так, игумен Даниил (XII в.) сравнивает р.Иордан с р. Сновью, протекающей по территории Черниговской области: «Есть всем подобен Иордан Снове реце, в шире, и в глубину и болонием подобен есть Иордан Снове реце...» [7:88], Арсений Суханов (XVIII в.) сравнивает р. Евфрат с Москвой-рекой, Василий Гагара (XVII в.) — р. Иордан с Яузой, а Нил с Волгой.

Могут сопоставляться и другие объекты. Иоанн Лукьянов, паломник XVIII в., измучился в езде по плохим дорогам Валахии: «... у нас-то на Руси таких путей нет» [3:165]. Для Лукьянова любимый эталон сравнения — Москва, при этом Москву он считает новым городом: «... старинное царство [Царьград — В.С.], а Москва еще внове» [3:189]. Можно сказать, что Россия постоянно присутствует в тексте Лукьянова на втором плане. Так, в Царьграде за праздничным обедом у игумена Иерусалимского монастыря греки интересовались делами Москвы: почему царь завел немецкие порядки, зачем постриг царицу в монастырь. Русский паломник дал решительный отпор недоброжелательным нападкам, сказав, что все это — измышления греков. Не затуманивает автор и негативных сравнений. К примеру, он касается такого деликатного вопроса, как отхожие места: в Царьграде «где ни поворотился — везде отходы; у нас на Москве скаредное дело, наищешься, где испрадниться; да не осуди, пожалуй, баба и при мужиках так и прудит: да где денешься? Не под землю!» [3:190]. В Царьграде же

нет воровства, нет пьянства, женщины отличаются высокой нравственностью, надсмешка над женщиной не допускается, «суды у них правые», без взяток.

Русский паломник-путешественник внимателен к порядку церковной службы на чужбине. Лукьянов сравнивает церковную службу в Яссах с московской, замечает при этом все отклонения: «А я смотрю, где у них каноны-та делись? зная-то во окно улетели...» [3:162]. Он осуждает иерусалимских священников, которые ездят в Москву за милостыней и затем покупают на нее митрополитство. Но некоторые сравнения оказываются не в пользу русских священников. Паломника XIV века Стефана Новгородского поразило смирение константинопольского патриарха, выгодно отличавшее его от высокомерного русского духовенства: «О великое чудо смирение святых! Не наш обычай имеют» [8:52].

Очень значимы встречи со своими соотечественниками на чужбине. Русские, живущие в чужих краях, воспринимаются как часть родины. Велика радость от таких встреч и для тех, и для других. По прибытии Игнатия Смольнянина (XIV в.) со спутниками в Царьград их посетили на корабле местные русские. «И бысть обоем радость велия, и ту ночь превыхом в корабле» [5:100]. Он же упоминает русских, живущих в монастыре Иоанна Предтечи (Царьград). Стефан Новгородский в Царьграде встретил своих земляков, Ивана и Добрилу, которых на родине почитали пропавших без вести. Они проживали в Студийском монастыре, преуспели в искусстве переписывания книг. Из этого же монастыря посылали книги на Русь: устав, триоды и др. Так, из записок паломников вырисовываются связи Византии и Руси.

И.Лукьянову также довелось встретиться в Царьграде с земляками. Русские невольники, жившие здесь, с интересом расспрашивали о Руси, о Москве. Другая встреча произошла с русским купцом Василием Никитичем Путимцем, который в качестве гида водил наших паломников по городу. Князь Б.И. Куратин, путешественник XVIII века, отправленный с дипломатическим поручением в Голландию в 1705г., отмечает следы пребывания русских в Амстердаме: дом Блаугауса, где жили Андрей Матвеев и Гавриил Меншиков, остинский двор, где Петр Первый учился корабельному делу, дом мастера Баса, где государь обедал.

Высоко развито у русского путешественника чувство национально достоинства, связанное с ощущением себя представителем своего государства на чужой земле. И. Лукьянов отмечает уважительное отношение к себе даже диких, необузданных арапов, узнавших, что он «папас москов» (московский священник). В Ионии турецкий паша оказал ему уважение именно как московскому человеку, который вернувшись на родину, может замолвит за них (турков) доброе слово.

Подобное самоощущение особенно ярко проявилось в начале XVIII века у русских путешественников в страны Западной Европы — послов, дипломатов. Особая миссия, которая была им поручена, порождала ответственность за свое поведение и пристальное внимание ко всем почестям. Так, Куракин с гордостью отмечает, что был удостоен ответного визита племянника папы римского: «... никто в московской нации в приемности такого гонору и порядком не был принят» [2:276], тем самым ему удалось добиться уважения к своей персоне, а, значит, и к чести русского царя. Стольник Петра Великого П.А. Толстой неоднократно фиксирует подобные знаки внимания в своих путевых записках. Так в Неаполе при посещении иезуитской школы иезуиты и студенты оказали ему почтение и любовь, на неаполитанских галерах в его честь играли на трубах. Один из неаполитанских дворян прислал за ним карету и принял русского путешественника в своем доме. В Риме Толстому как знатному фарестиеру (путешественнику) была выделена от папы римского карета и сопровождающий для осмотра достопримечательностей. Кроме того, во всех местах своего пребывания Толстой с удовольствием отмечал, что народ местный «к приезжим иноземцам зело ласков и приветен, а паче к московским людям безмерно приятны» [6:220].

Граф А. Матвеев посол Петра Первого в Париже, в статейных списках описывает свой въезд в столицу Франции: «не малое число людей всякого чину смотрели его проезд посольской» [10:54]. При этом хвалили народ московский и одяние посла. Кроме того, король Людовик XIV назначил послу частную аудиенцию во внутреннем королевском кабинете, где кроме принцев никого не принимал. По окончании аудиенции король выразил удовлетворение и присылкой посольства и самой особой посла.

Необходимо отметить, что все подобные почести русский путешественник никогда не относит только лично к себе, но к себе как к представителю своего государства, московскому человеку. «Я — часть своего государства, часть моей родины» — такая установка заложена в нем еще со времен статейных списков, когда наши посланники в иностранные государства дотошно и довольно чопорно требовали соблюдения порядка придворных церемоний при приеме послов, указания всех царских титулов в грамотах.

Совершенно замечательны в путевой литературе лирические отступления, в которых выражена прямо или косвенно любовь к родной земле, боль за свое отечество. Они не многочисленны и присутствуют только в текстах некоторых авторов. К их числу можно отнести широко известное место из текста основоположника жанра паломнических хождений игумена Даниила, где он поминает всех князей русских и княгинь и детей их и бояр у Гроба Господня, а их имена вписал в поминальник в лавре святого Саввы. «...первое покланялся есмь за князей за всех, и потом о своих гресех помолился есмь» [7:114]. Та же идея единения русской земли отразилась в поздних хождениях (XVIII в.) — записках И. Лукьянова при описании Киева: «Зело блодут сей град; да надобе блюсти: прямой замок московскому государству. В Киеве монастырей и около Киева, зело много; и пустыnnики есть; райские места! Есть где погулять!» [3:148] — здесь и чувство гордости и любовь: Киев воспринимается как часть русской земли.

Болело сердце за Русь, раздираемую междоусобными распрями у путешественника XV века Афанасия Никитина. В тексте «Хождение за три моря» есть поэтическое обращение к родине на тюркско-персидском языке, напитанное лиризмом и болью: «А Русскую землю бог да сохранит! Боже храни ее! ... На этом свете нет страны подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости» [4:53].

Лиризм и грусть по родине звучит в хождении И. Лукьянова, пройдя Калугу, паломники оглядываются на оставленный город, а вместе с ним и оставляемую Русь: «Увы, наш преславный град Калуга! отечество наше драгое! — итак поклонихомся граду и поидом в путь свой ...» [3:134].

Куракину отдельные моменты голландской природы навевают воспоминания о родной земле. В его тексте есть две заметки подобного рода, одна из них — пейзажная зарисовка голландской весны, которая и породила мысль о родине: «... уже видел в садах цветки кореневые и всходы посеенных трав и крых — берсен и смородина распускается также и на деревьях пучек и скатина в поле выпущена, как у нас весною, и трава пустилася» [1:155].

Примечания:

1. Куракин Б.И. Дневники путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705-1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. В 8тт.Т.1. — СПб., 1890.
2. Куракин Б.И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. 1676-1709 // Там же.
3. Лукьянов И. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863.
4. Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина. — Л., 1986.
5. Путешествия диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим // Сказания русского народа собранные И. Сахаровым. Т.2. кн.8. — СПб., 1849.

6. Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697 — 1699. — М., 1992.
7. «Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век. — М., 1980.
8. Хождение Стефана Новгородца // Сперанский М.Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. — Л., 1934.
9. Ольшевская Л.А., Травников С.Н. «Умнейшая голова в России...» // Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697 — 1699. — М., 1992.
10. Пекарский П.П. Поездка графа Матвеева в Париж в 1705 году // Современник. 1856. № 6.
11. Прокофьев Н.И. Русские хождения XII- XV вв. // Учен.зап.Моск.гос.пед.ин-та им. В.И.Ленина. №363. — М., 1970.
12. Прокофьев Н.И. Хождение как жанр в древнерусской литературе // Там же. №288. — М., 1968.
13. Травников С.Н. «Хождение Иоанна Лукьянова как явление русского демократического барокко // Проблема изучения русской литературы XVIII века. Сб. 6. — Л., 1984.

© Трусов В.А.
г. Первоуральск

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БАЛЬДАУФ — ПОЭТ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Александр Шмаков в своей книжке [1:10] приводит цитату из переписки кировчанина Петряева со знаменитым уральским краеведом, знатоком истории, археологии, этнографии родного края, активного собирателя устно-поэтического творчества народа Владимиром Павловичем Бирюковым: «Очень хочу найти сведения о Билимбаевском заводе конца 30-х годов XIX века; где там был госпиталь, кладбище, какого они вида и проч. Там похоронен Бальдауф в 1839 г. Может быть, могила отыщется? Нет ли у вас корреспондента в Билимбае?» К сожалению, я не знаю, что ответил Бирюков Петряеву по запрашиваемым сведениям. Меня заинтересовала жизнь и творчество Бальдауфа, и я начал вести поиски.

Но сначала о биографии Евгения Дмитриевича Петряева — библиофила, библиографа, краеведа и писателя. Он родился в Березовском заводе около Екатеринбурга 18 февраля 1913 года — за три дня до трехсотлетия дома Романовых. Отец был почтовым служащим, мать — сельской учительницей. В связи с работой отца приходилось часто менять место жительства: село Усть-Хмелевское около Сосьвы, Меркушино возле Верхотурья, Нижне-Туринский завод, платиновые прииски недалеко от Качканара. Окончив семилетку, Петряев приехал в Свердловск учиться и в 1938 году получил диплом врача. Затем армейская служба в Улан-Удэ, и с конца 1941 г. почти пятнадцать лет Евгений Дмитриевич проживал в Чите. Все годы жизни в Забайкалье он накапливал и изучал сведения о декабристах. О забытых именах и важных событиях в старой Сибири Петряев рассказывает в книгах, вышедших в Чите, Иркутске и Улан-Удэ. В 1956 г. переезжает в Киров, но связь с Забайкальем сохраняется. В последующие годы там, в Сибири вышло еще несколько его книг. А в 1972 г. Е. Д. Петряеву присвоили звание почетного гражданина Нерчинска.

Бальдауф Федор Иванович, горный инженер, поэт, родился около 1800 г., умер в 1842 году (дата смерти не совпадает с данными Петряева). Сын горного чиновника Нерчинских заводов, воспитанник Горного института, Бальдауф с 1823 г. начал службу в Нерчинских заводах, где и пробыл до 1842 г. По словам его биографа, Бальдауф был «поэт по призванию и при других обстоятельствах и при другой обстановке, прожив долее, приобрел бы, несомненно, известность».